

Валерий
Брюсов

Повести и рассказы

Повести и рассказы // Советская Россия, Москва, 1983
FB2: "fb2design", 15 July 2012, version 2.1
FB2: Isais, 15 July 2012, version 2.1
UUID: 5FCA1E3B-3F94-4E6B-9EDE-E387C3A723B8
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Валерий Яковлевич Брюсов

За себя или за другую?

Герой рассказа спустя двенадцать лет встретил на швейцарском курорте свою бывшую возлюбленную. Почему ж она не узнает его? Она ли это?

<http://ruslit.traumlibrary.net>

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0009
III.....	.0014
IV.....	.0018
V.....	.0021
Комментарии.....	.0023

Валерий Яковлевич Брюсов
За себя или за другую?

— Она! Нет, конечно, она! — сказал сам себе Петр Андреевич Басманов, когда дама, обратившая на себя его внимание, пятый или шестой раз прошла мимо его столика. Он не сомневался более, что это Елизавета. Конечно, они не видались уже почти двенадцать лет, и за этот срок лицо женщины не могло не измениться. Черты, прежде тонкие и острые, несколько располнели, взгляд, прежде по-детски доверчивый, стал холодным и строгим, в выражении всего лица появилась самоуверенность, которой не было раньше. Но разве это не те же самые глаза, которые Басманов любил сравнивать с огнями св. Эльма[1], не тот же овал, который успокаивал волнения одной чистотой своих очертаний, не те же маленькие уши, которые так сладко было целовать! Это — Елизавета, потому что не может быть двух женщин тождественных, как тождественны два отражения в двух смежных зеркалах!

Быстро окинул Басманов умственным взором историю своей любви к Елизавете. Ах, он

не в первый раз делал этот обзор, потому что из всех его воспоминаний не было более дорогого, более священного, чем эта любовь. Молодой, вступающий в жизнь адвокат, он встретил женщину несколько старше себя, которая полюбила его со всем ослеплением страсти, безумной, яростной, исступленной. В эту любовь Елизавета вложила всю свою душу, и ей стало не нужным все в мире, кроме одного: обладать своим возлюбленным, предаваться ему, поклоняться ему. Елизавета готова была пожертвовать всеми условностями их «света», умоляла Басманова позволить ей бросить мужа и прийти к нему; в обществе не только не стыдилась своей связи, которая, конечно, была замечена, но как бы гордилась ею. Никогда после не встречал Басманов любви столь самозабвенной, столь готовой на жертвы, и он не мог сомневаться, что если бы, в свое время, потребовал от Елизаветы, чтобы она умерла, она исполнила бы приказание с тихим, покорным восторгом.

Как же он, Басманов, воспользовался этой, один раз посылаемой нам в жизни, любовью? Он испугался ее, испугался ее громадности и

ее силы. Он понял, что там, где приносятся безмерные жертвы, невольно ставятся и смелые требования. Он побоялся взять эту любовь, потому что взамен надо было что-то дать, а он чувствовал себя духовно нищим. И еще он побоялся взять эту любовь, чтобы не затруднить своей карьеры, которая тогда начиналась не неудачно... Как вор, Басманов украл полгода любви, которая не принадлежала бы ему, если бы он сразу показал истинный свой облик, и потом воспользовался первым вздорным предлогом, чтобы «порвать связь».

Ах, и теперь ему стыдно вспоминать последние свидания перед разлукой. Елизавета, ослепленная своей любовью, ничего не понимала, не видела того, что ее возлюбленный слишком низок, чтобы перед ним унижаться, и на коленях умоляла его не покидать ее. Он помнит, как, рыдая, она обнимала его ноги, волочилась за ним по полу, билась в отчаяньи головой об стены. Ему стало потом известно, что, брошенная им, Елизавета едва не помешалась от горя, что одно время она хотела пойти в монастырь, что позже она овдове-

ла и уехала за границу. Здесь Басманов потерял следы Елизаветы.

Неужели же он встретил ее теперь вновь, двенадцать лет спустя после их разрыва, здесь, в Интерлакене[2], спокойную, строгую, все еще прекрасную и для него неизъяснимо очаровательную, по мучительно-сладостным воспоминаниям прошлого? Басманов, сидя за столиком кафе, смотрел, как мимо него медленно проходила высокая дама в большой парижской шляпе, и все существо его томительно горело образами и ощущениями прошлого, всплывавшими и в памяти ума, и в памяти тела. Она, она, Елизавета, которой он не дал любить себя с той полнотой, как она того ждала, и которую сам он не посмел любить с той полнотой, с какой мог бы и желал бы! Она, лучшая часть его уже почти прожитой жизни, ожившая, живая, она — воплощенная возможность воскресить то, что было, дополнить его, исправить его.

У Басманова, несмотря на все его самообладание, закружилась голова. Он расплатился за мороженое, встал и пошел по той же аллее, по которой гуляла высокая дама.

Когда Басманов и высокая дама повстречались, он, почтительно сняв шляпу, поклонился ей. Дама посмотрела на него так, как смотрят на незнакомых. Басманов спросил ее по-русски:

— Неужели вы не узнаете меня, Елизавета Васильевна?

После некоторого колебания дама отвечала, также по-русски, хотя и с небольшим акцентом:

— Простите, но вы, вероятно, ошиблись: мы с вами не знакомы.

— Елизавета Васильевна! — воскликнул Басманов, раненный больно таким ответом. — Неужели вы можете меня не узнать! Я — Петр Андреевич Басманов.

— Я это имя слышу в первый раз, — сказала дама, — и вас совершенно не знаю.

Несколько мгновений Басманов смотрел на говорившую с ним даму, задавая себе вопрос, точно, не ошибся ли он. Но сходство было до такой степени несомненно, он так определенно узнавал Елизавету, что, загораживая

дорогу этой даме в большой парижской шляпе, он с настойчивостью повторил ей:

— Я вас узнал, Елизавета Васильевна! Я понимаю, что у вас могут быть причины к тому, чтобы скрывать свое настоящее имя. Я понимаю, что вы можете не желать встречи с прежними знакомыми. Но поймите и вы, что мне необходимо сказать вам несколько слов! После того, как мы расстались, я пережил слишком многое! Я должен оправдаться перед вами! Я не хочу, чтобы вы презирали меня!

Басманов сам не вполне сознавал, что он говорит. Он хотел лишь одного, чтобы Елизавета призналась, что это она. Он боялся, что она уйдет и не вернется, и исчезнет уже навсегда, и эта встреча окажется видением сна. Дама тихо обошла Басманова и бросила ему несколько слов по-французски:

— Monsieur, laissez-moi passer s'il vous plait! Je ne vous connais pas [3].

Дама не обнаружила никакого волнения и нисколько не изменилась в лице от слов Басманова. Но он все-таки не хотел оставить ее в покое, а последовал за ней, говоря:

— Елизавета! Прокляни меня, назови меня последним негодяем, скажи мне, что ты не хочешь более меня знать, — я все приму с покорностью, как должное. Но не делай вида, что ты не знаешь меня, этого я не в силах стерпеть! Так оскорблять меня ты не смеешь, не должна!

— Уверяю вас, — проговорила дама уже более строгим голосом, — что вы меня принимаете за другую. Вы меня называете Елизаветой Васильевной, но меня зовут иначе. Я — Екатерина Владимировна Садикова, девичья моя фамилия — Арманд. Достаточно ли с вас этих сведений, и не дадите ли вы мне теперь возможность гулять так, как я хочу?

— Но почему же, — воскликнул, делая последнюю попытку, Басманов, — почему же вы так долго сноситесь мои приставаания? Если я вам человек совершенно посторонний, почему вы не прикажете мне немедленно замолчать и не позовете себе на помощь полицейского? Разве обращаются так мягко, как вы, с уличными нахалами?

— Я очень хорошо вижу, — ответила дама, — что вы не уличный нахал и что ничего

лишнего вы себе не позволите. Вы просто ошиблись, введены в заблуждение моим сходством с какой-нибудь вашей знакомой. Это не преступление, и мне незачем звать полицию. Но теперь все разъяснилось, прощайте.

Басманов не решился настаивать далее. Он остановился, и дама медленно прошла мимо. Но весь этот разговор, тон голоса незнакомой дамы, ее походка, все — только подтверждало Басманову, что это — Елизавета.

Потрясенный, взволнованный, пошел он к себе в отель. За луговиной, как исполинский призрак, сияли вечные снега Юнгфрау[4]. Она казалась близкой, но была безмерно далеко отсюда. Не то же ли Елизавета, которая казалась воскресшей и вот снова ушла в неведомую даль.

Не стоило большого труда Басманову узнать, где живет встреченная им дама. После некоторого колебания он написал ей письмо. Он писал в нем, что не хочет спорить с очевидностью; что он явно ошибся, приняв незнакомую даму за старую знакомую; но что эта краткая встреча его поразила глубоко и

он просит позволения раскланиваться на прогулках, в память случайного знакомства. Письмо было написано в выражениях крайне осторожных и почтительных. Когда на другой день Басманов встретился на Noheweg[5] с дамой, которая назвала себя Садиковой, она первая поклонилась ему и первая заговорила с ним. Так началось их знакомство.

Садикова ничем не выдавала, что была знакома с Басмановым раньше. Напротив, она держала себя с ним, как с совершенно незнакомым человеком. Они говорили о безразличных новостях, преимущественно курортной жизни. Разговор Садиковой был интересен, остроумен, она обнаружила большую начитанность. Но когда Басманов попытался перейти к вопросам более острым, более жгучим, его собеседница легко и умело уклонялась от них.

Все убеждало Басманова, что перед ним Елизавета. Он узнавал ее голос, ее любимые обороты фраз, узнавал то неуловимое нечто, что образует индивидуальность человека, но что трудно определить словами. Басманов мог бы поклясться, что он прав.

Правда, были и маленькие отличия, но разве нельзя было объяснить их промежутком времени в двенадцать лет? Естественно, что испытания жизни из пламенной страсти Елизаветы выковали стальную холодность. Естественно, что, живя много лет за

границей, Елизавета несколько разучилась родному языку и говорит с акцентом. Естественно, наконец, что в манере держать себя, в жестах, в смехе появились новые черты, которых не было прежде...

Впрочем, иногда Басманова охватывало сомнение, и тогда он начинал мысленно замечать сотни маленьких особенностей, отличающих Екатерину от Елизаветы. Но достаточно ему было вновь взглянуть в лицо Садиковой, услышать ее речь, чтобы все сомнения рассеивались, как туман. Он ощущал, он чувствовал душой, что это та, которую он любил когда-то!

Разумеется, Басманов делал все, что только мог, чтобы распутать эту тайну. Он пытался сбивать Садикову нечаянными вопросами: она всегда была настороже и без труда ускользала из всех ловушек. Он пытался расспрашивать о Садиковой окружающих: никто об ней ничего не знал. Он дошел до того, что перехватил одно письмо к Садиковой: оно оказалось из Парижа и все состояло из безличных французских фраз.

Однажды вечером, когда Басманов был с Садиковой в ресторане на Гардере[6], он не

выдержал постоянного напряжения и вдруг воскликнул:

— Зачем мы играем в эту мучительную игру! Ты — Елизавета, я это знаю. Ты не могла забыть, как ты меня любила. И, конечно, ты не могла забыть, как подло я тебя бросил. Теперь я приношу тебе все раскаянье моей души. Я презираю себя за свой прежний поступок. Я предлагаю тебе: возьми меня на всю жизнь, если можешь простить меня. Но я говорю это Елизавете, я ей отдаю себя, а не другой женщине!

Садикова молча выслушала этот маленький монолог выходящий за рамки светского разговора, и ответила спокойно:

— Милый Петр Андреевич! Если бы вы обратились ко мне, я, может быть, что-нибудь и ответила бы вам на ваши слова. Но так как вы предупредили, что говорите к Елизавете, мне остается промолчать.

В величайшем волнении Басманов встал и спросил:

— Вы хотите утверждать, что вы не Елизавета Васильевна Свиблова? Повторите это мне решительно, и я уеду, немедленно скро-

юсь с ваших глаз, исчезну из жизни. Тогда мне больше незачем жить.

Садикова мило засмеялась и сказала:

— Вам так хочется, чтобы я была Елизаветой. Ну, хорошо, я буду Елизаветой.

IV

Началась вторая игра, быть может, еще более жестокая, чем первая. Садикова называла себя Елизаветой и держала себя с Басмановым, как со старым знакомым. Когда он говорил о прошлом, она делала вид, что вспоминает лица и события. Когда он, весь дрожа, напоминал ей о любви к нему, она, смеясь, соглашалась, что любила его, но намекала, что с годами эта любовь погасла, как гаснет всякое пламя.

Чтобы добросовестно играть свою роль, Садикова сама заговаривала о событиях прошлого времени, но при этом путала годы, упоминала невпопад имена, выдумывала то, чего никогда не было. Особенно мучительно было то, что, говоря о любви своей к Басманову, она изображала ее как легкое увлечение, как случайную забаву светской дамы. Это Басманову казалось оскорблением святыни, и он, почти со стоном, просил Садикову в таких случаях замолчать.

Но этого мало. Неприметно, подвигаясь вперед шаг за шагом, Садикова вносила отра-

ву в самые заветные воспоминания Басманова. Своими намеками она развенчивала все прекраснейшие факты прошлого. Она давала понять, что многое из того, что Басманов считал проявлением ее самозабвенной любви, было лишь притворством и игрой.

— Елизавета! — спросил как-то раз Басманов. — Неужели же я могу поверить, что твои безумные клятвы, твои рыдания, твое отчаянье, когда ты бросалась, не помня себя, на пол, — что все это было притворством? Так не сумеет играть лучшая драматическая артистка! Ты клеветешь на самое себя.

Садикова, отвечая от имени Елизаветы, как она всегда говорила последнее время, сказала с улыбкой:

— Как различить, где кончается притворство и начинается искренность? Мне хотелось тогда чувствовать сильно, и вот я позволяла себе делать вид, что я в отчаянии и безумии. Если бы на твоём месте был не ты, а кто-либо другой, я поступала бы точно так же. Но в то же время мне ничего не стоило овладеть собой и не рыдать вовсе. Ведь мы все в жизни — актеры, и не столько живем, сколько

изображаем жизнь.

— Неправда, — воскликнул Басманов, — ты это говоришь потому, что не знаешь, как любила Елизавета. Та не сказала бы этого! Ведь ты только играешь ее роль! Ведь ты — не она, ты — Екатерина.

Садикова засмеялась и сказала другим тоном:

— Как вам будет угодно, Петр Андреевич. Я ведь только для вашего удовольствия взяла на себя эту роль. Хотите, и я снова стану сама собой, Екатериной Владимировной Садиковой.

— Почему же я знаю, где ты настоящая! — сквозь зубы прошептал Басманов.

Ему начинало казаться, что он сходит с ума. Вымысел и действительность для него сливались, смешивались. Минутами он терял понимание, кто он сам.

Между тем Садикова, встав, предложила ему пройтись на Рутен[7] и снова заговорила с ним от имени Елизаветы.

Дни проходили. Сезон в Интерлакене кончался.

Басманов, прикованный к своей таинственной незнакомке, позабыл, зачем он здесь, позабыл все свои дела, не отвечал на письма из России, жил какой-то безумной жизнью. словно маниак, он думал об одном: как разгадать тайну Свибловой-Садиковой.

Был ли он влюблен в эту женщину — этого он не сумел бы сказать. Она влекла его к себе, как пропасть, как ужас, как то место, где можно погибнуть. Могли бы проходить месяцы и годы, а он был бы рад длить этот поединок мысли и находчивости, эту борьбу двух умов, из которых один стремится сохранить свою тайну, а другой усиливается ее вырвать.

Но неожиданно, в первых числах октября, Садикова уехала. Уехала, не простившись с Басмановым, не предупредив его. Однако на другой день он получил по почте письмо, посланное из Берна.

«Я не лишу вас удовольствия гадать, кто я такая, — писала Садикова, — ре-

шение этого вопроса я оставлю вашему остроумию. Но если вы устали от догадок и хотите простейшего решения, я вам подскажу его. Предположите, что я была совершенно незнакома с вами, но, узнав из ваших взволнованных рассказов, как жестоко вы обошлись когда-то с некоей Елизаветой, я решила отомстить вам за нее. Мне кажется, я своего достигла, и мщение мое состоялось: вы никогда не забудете этих мучительных недель в Интерлакене. А за кого я мстила, за себя или за другую, в конце концов, не все ли равно. Прощайте, больше вы меня не увидите никогда.

Елизавета-Екатерина».

Комментарии

Впервые напечатано: Речь, 1910, № 354, 25 декабря; Неделя «Современного слова», 1910, № 142, 25 декабря, с. 1172–1174. Вошло в книгу Брюсова «Ночи и дни. Вторая книга рассказов и драматических сцен». М., 1913, с. 79–87. Печатается по тексту этого издания.

Характеризуя включенные в «Ночи и дни» рассказы о «женской психологии», критик Зоя Бухарова отметила, что «За себя или за другую?» — «лучшая вещь из всего цикла; единственная, действительно отмеченная психологической правдой» (Россия, 1913, № 2286, 28 апреля; подпись: З. Б.).

Примечания

...с огнями св. Эльма... — Огни св. Эльма — электрические разряды в виде светящихся кисточек, слабых языков пламени, которые иногда можно наблюдать перед грозой и во время грозы на концах возвышающихся над земной и водной поверхностью скал, строений, деревьев, мачт и т. д.; название получили по имени церкви св. Эльма (Эразма), на башнях которой они часто возникали.

[^^^]

Интерлакен — курортный городок в Швейцарии, в Бернском Оберланде, в долине между Тунским и Бриенцским озерами. Брюсов отдыхал на берегу Бриенцкого озера в конце августа — начале сентября 1909 г.

[^^^]

3

Сударь, позвольте мне пройти! Я вас не знаю
(фр.)

[^^^]

4

Юнгфрау — вершина в Бернских Альпах
вблизи Интерлакена (4167 м).

[^^^]

5

Hoheweg (Hohestrasse) — центральная улица Интерлакена с множеством гостиниц — аллея, засаженная орешником и платанами.

[^^^]

6

...в ресторане на Гардере... — Гардер — горная местность к северу от Интерлакена. Ресторан Harderkulm размещался на высоте 1326 м; отсюда открывался вид на Бернские Альпы, Интерлакен и Тунское озеро.

[^^^]

Руген — видимо, Малый Руген, живописная лесная местность к югу от Интерлакена, предгорье Большого Ругена.

[^^^]